

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лекция 1. История и литература. Жанр исторического романа и его развитие в России.....	4
Лекция 2. Концепции отечественной истории в российской художественной литературе.....	10
Лекция 3. Русь изначальная в отечественной художественной литературе.....	19
Лекция 4. Русь XIII–XV вв. в отечественной художественной литературе.....	39
Лекция 5. Россия XVI в. в отечественной художественной литературе.....	66
Лекция 6. Россия XVII в. в отечественной художественной литературе.....	84
Произведения изобразительного искусства по мотивам истории Руси/России VI–XVII вв.....	109
Музыкальные произведения по мотивам истории Руси / России VI–XVII вв.....	110
Кинофильмы и сериалы по мотивам истории Руси / России VI–XVII вв.....	110
Приложение. Круг чтения интеллигентного человека.....	111

ЛЕКЦИИ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Лекция 1

История и литература. Жанр исторического романа и его развитие в России

Художественное воспроизведение исторического прошлого занимает важное место в развитии мировой литературы. Многие великие писатели посвящали ей свои произведения. Среди них такие как В. Скотт, А. Дюма, А. Франс, С. Цвейг, П. Мериме, Г. Манн, Л. Фейхтвангер, Л.Н. Толстой и др. При этом важно заметить, что, как писали наши филологи-эмигранты П. Вайль и А. Генис, «история существует у любого народа только тогда, когда о ней написано увлекательно. Персам не посчастливилось родить своего Геродота – и великая персидская империя стала достоянием археологов, а историю Эллады знает и любит каждый. Не было бы Тита Ливия, Тацита, Светония, может быть, и не назывался американский сенат сенатом. А вот парфяне, грозные соперники римлян, не оставили свидетельств своей яркой истории». При этом естественно, что «хорошо написанная история – фундамент литературы. Без Геродота не было бы Эсхила. Благодаря Карамзину появился пушкинский «Борис Годунов». Без Карамзина в литературе появляется Пикуль».

Итак, очевидна связь между историей-наукой и историей-литературой. Казалось бы, для воссоздания исторического прошлого существует более точное средство, чем художественная литература, а именно – историческая наука. Между тем, ее услуги оказались в определенном смысле недостаточны. Как писал А.М. Горький, «подлинную историю человека пишет не историк, а художник». Писатель воссоздает исторические явления в их конкретно-индивидуальном облике, жизнь людей в прошлом в конкретных картинах и образах. «Задача историка – сказать, что было, – писал В.Г. Белинский, – задача поэта – показать, как было... и потому, если наука оказывает поэзии услуги, сказывая ей о том, что было, то и поэзия, в свою очередь, расширяет пределы науки, показывая, как было». По нашему мнению, в любом случае художественное освоение истории средствами литературы отнюдь не мешает освоению ее средствами науки, а в ряде случаев оказывает огромное влияние на мироощущение и восприятие исторического прошлого современных людей.

Приведем ряд примеров на сей счет. Мушкетеры в изложении А. Дюма-отца являются носителями доброго (даже в каком-то смысле прогрессивного начала), а кардинал Ришелье – действительно выдающееся и весьма прогрессивное лицо во французской истории – является в глазах читателей многих поколений ее негативным персонажем. Аналогичен пример с обвинением Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия. Давно уже доказана его невиновность в этом преступлении (М.П. Погодин, Р.Г. Скрынников), но пушкинские «мальчики кровавые в глазах» для огромного большинства неспециалистов остаются более весомым аргументом, чем идеи, высказанные в трудах маститых историков. Добавим к этому и следующее соображение. В недавнюю еще эпоху, когда наша страна была самой читающей в мире, значительную, если не основную массу информации об истории человечества и своей родины (в силу ряда причин, в частности, «ненаселенности» людьми школьных учебников по истории) люди получали из чтения исторических романов. Теперь же ситуация изменилась. Молодежь в массе своей книг не читает, предпочитая получать информацию в сети Интернет. Но если исторические писатели хотя бы отвечали за то, что они писали, то в сети никто ни за что не отвечает. Отсюда – отсутствие точной информации, что приводит к оболваниванию в этом отношении молодого поколения.

Процесс художественного освоения прошлого есть вместе с тем и процесс идейного и эстетического воспитания человека. Изображение людей и событий минувших времен, захватывая чувства читателя, воспитывая его волю, воздействуя на его разум, формируют его отношение к историческому прошлому, а применительно к прошлому его страны – и его патриотизм. «И на что существовали бы поэты, если бы они только повторяли рассказы историков. Поэт должен идти дальше и давать нам нечто более возвышенное и прекрасное», – говорил И.В. Гете. Воспитание интереса к прошлому и патриотизма не может быть осуществлено напрямую, агитацией и пропагандой, но становится эффективным именно через посредство чтения художественной литературы, в особенности исторического ее жанра.

Опыт мировой литературы свидетельствует о том, что главную роль в развитии исторической темы играл во все времена, особенно примерно с XIX в., жанр исторического романа. Обычно трактуют этот жанр как роман, построенный на историческом сюжете и воспроизводящий в художественной форме определенную эпоху прошлого человечества. Гибкая и объемная художественная форма романа представляла писателям наиболее широкие возможности для воспроизведения исторического прошлого. Появление реалистического исторического романа в начале XIX века, начиная с романов В. Скотта «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Пуритане» и др., было расценено тогдашней передовой критикой как одно из величайших завоеваний художественной литературы, а бурное его развитие в последующем столетии было обусловлено все возрастающим интересом общественной мысли к проблемам исторического

прошлого. И в наши дни исторический роман является одним из средств познания людьми своей истории.

Что же следует понимать под историческим романом? Проблема определения этого жанра литературы остается достаточно спорной. В пору его возникновения и формирования в европейской литературе находились критики, видевшие в нем незаконнорожденный плод слияния искусства и науки или ложный вид искусства. Однако эта скептическая оценка не помешала бурному развитию исторического романа и его широкой популярности. И в наши дни его иногда трактуют именно и только как роман о прошлом, что явно недостаточно. Несомненным объективным признаком исторического романа является наличие в нем образов реальных исторических лиц и изображение исторических событий, сыгравших определенную роль в данную эпоху и, как отражение этого обстоятельства, – в развитии сюжета романа. «Историческими» называются «литературные произведения, в которых действуют люди, известные истории, ее активное начало, – отмечал А.М. Горький. Однако не каждый роман, в котором участвуют реальные лица или совершаются известные в истории события, может быть назван историческим. В его определение входит не только указанный признак, но и субъективное начало – характер отношения писателя к тому, что он изображает в своем произведении. Предметом исторического романа обычно является историческое прошлое, понимаемое как уже завершившаяся в своем развитии определенная эпоха. Поэтому современные литературные произведения о Гражданской войне или Великой Отечественной, не говоря уже о хрущевской «оттепели» или брежневской эпохе вряд ли могут быть, по нашему мнению, рассмотрены именно как исторические повести или романы. Полагаем, что на сегодняшний день таковыми могут быть точно признаны произведения о времени до революций 1917 г. Неудивительно, что в старой русской историографии историческим считалась эпоха, отстоящая от современности не менее чем на столетие.

В этом отношении важно также и рассмотрение не только эпохи, которой посвящен роман, но и того времени, когда он писался, так как его печать легла на это литературное произведение. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», – справедливо писал в свое время В.И. Ленин в работе «Партийная организация и партийная литература». Большое значение имеет также и вопрос о подлинном историзме как философской основе жанра исторического романа. Нельзя без критического рассмотрения относить к данному жанру такие произведения, в которых отсутствует само историческое понятие жизни как непрерывно изменяющейся действительности. Необходимым условием жанра является также наличие в романе исторического колорита. Итак, историзм, повествование об исторически прошедшем периоде и документальность – вот определяющие черты жанра исторического романа в его классическом виде.

Русский исторический роман прошел следующие этапы в своем развитии: период зарождения – 1830–1860-е гг., этап 1870-х гг. – начала XX в., довоенный период советского времени (1917–1941 гг.), период 1940-х – начала 1980-х гг. и

современный период. Перед нами не стоит задача анализа каждого из них. Укажем только на основные имена писателей исторического жанра в каждый из них. Для первого периода – это М.Н. Загоскин («Юрий Милославский, или русские в 1612 г.»), К.П. Масальский («Регенство Бирона»), представлявшие дидактическое направление, восходившее к исторической повести Н.М. Карамзина («Марфа-посадница») с его сентиментальным морализмом. Романтическое направление здесь было представлено романами И.И. Лажечникова («Басурман», «Ледяной дом»), Н.А. Полевого («Клятва при гробе господнем»), реалистическое – романами А.С. Пушкина («Арап Петра Великого») и Н.В. Гоголя (особенно если считать таковым «Тараса Бульбу»).

Второй период в развитии этого жанра представлен романами А.К. Толстого («Князь Серебряный»), Г.П. Данилевского («Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва» и др.), В.С. Соловьева («Царь-девица», «Касимовская невеста» и др.), Д.С. Мережковского («Антихрист. Петр и Алексей», «Александр Первый»), вершиной которого, что вполне очевидно, была эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир».

Довоенный период развития советского исторического романа представлен произведениями О.Д. Форш («Михайловский замок», «Одеты камнем») Ю.Н. Тынянова («Подпоручик Киж», «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара»), С.Н. Сергеева-Ценского («Севастопольская страда», «Преображение России»), М.Д. Марич («Северное сияние»), А.Н. Чапыгина («Разин Степан»), С.П. Злобина («Степан Разин»), Л.И. Раковского («Суворов», «Кутузов», «Ушаков»), Новикова-Прибоя («Цусима»), В.И. Яна («Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю»), вершиной которого был, видимо, роман А.Н. Толстого «Петр I».

Период 1940-х – начала 1980-х гг. представлен романами В.И. Костылева («Иван Грозный»), В.И. Язвицкого («Иван Третий – государь всея Руси»), Н.С. Рыбака («Переяславская рада»), С.Д. Складенко («Святослав», «Владимир»), В.Д. Иванова («Русь изначальная», «Повести древних лет», «Русь великая»), А.К. Югова («Ратоборцы»), К.С. Бадигина («Корсары Ивана Грозного»), В.Я. Шишкова («Емельян Пугачев»), О.Н. Михайлова («Суворов»), Ю.Н. Трифонова («Нетерпение»), Ю.В. Давыдова («Две связки писем», «Март»), В.С. Пиккуля («Слово и дело», «Пером и шпагой», «Фаворит», «Нечистая сила»), В.М. Шукшина («Я пришел дать вам волю»). Пожалуй, вершиной его были романы Д.М. Балашова из серии «Государи московские» («Великий стол», «Младший сын», «Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени», «Русь святая», «Юрий»). Следует заметить, что именно в советское время мы видим расцвет данного литературного жанра, он же наиболее богат высококлассными романами о русской истории.

Современный период менее богат именами исторических романистов. Здесь назовем романы Б.Ш. Окуджавы («Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом»), В.А. Бахревского («Василий Иванович Шуйский, всея Руси самодержец»), В.В. Полуйко («Лета 7071», «Государь всея Руси»), Е.Д. Люфанова («Великое сидение»), Ю.М. Лощица («Дмитрий Донской»), П.А. Загребельного

(«Я, Богдан»), Ф.Ф. Шахмагонова («Ликуя и скорбя»), Ю.П. Тюрина («Тайный советник»), Э.П. Зорина («Огненное порубежье», «Большое гнездо»), В.В. Каргалова («Святослав», «Русский щит»). Здесь мы затрудняемся выбрать наиболее значимые романы, ибо, как сказано было в свое время С.А. Есениным, большое видится на расстоянии.

Нужно сказать, что, как и историку, так и историческому романисту в их лучших произведениях свойственно честное, правдивое изображение исторической действительности. Именно этим и привлекают наиболее значимые произведения Д.М. Балашова, Ю.Н. Трифонова, А.Н. Толстого, Л.Н. Толстого, А.К. Толстого и др. Но, к сожалению, часто встречается еще в художественной литературе приукрашенное изображение тех или иных событий и деятелей: здесь налицо конъюнктурные интересы некоторых исторических романистов. В дореволюционное время это явление часто было обусловлено тем, что значительная часть авторов принадлежала к привилегированным классам общества, в силу чего вся история часто была связана с жизнью и деятельностью монархов и крупнейших вельмож (например, в известном романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.»), а история народа либо вообще не интересовала их, либо рассматривалась как «этнографический фон» и подавалась в искаженном освещении. В советское время, особенно в 1930-е – 1950-е гг., исторические писатели, исходя из ложно понятого патриотизма, старались замазать темные пятна на репутации тех или иных «прогрессивных» деятелей (например, в романах об Александре Невском) и, наоборот, выпячивали всякого рода недостатки у «реакционеров» (М.Д. Марич «Северное сияние»; А.Н. Толстой «Петр I» и др.).

Подобные явления связаны и с так называемыми «национальными легендами» – представлениями любого народа о наиболее значимых в его глазах исторических личностях, в отношении которых попросту не принято критическое их изображение (обычный читатель этого не поймет!). Данный вопрос мало исследован в существующей литературе, о нем можно говорить лишь в принципе. Так, с нашей точки зрения под это определение подходят полностью Александр Невский, Иван Сусанин, Петр Первый, М.В. Ломоносов, А.В. Суворов и, видимо, М.И. Кутузов (из более поздних деятелей – возможно, Г.К. Жуков, Ю.А. Гагарин); в меньшей степени сюда можно отнести Козьму Минина и Д.М. Пожарского. Видимо, это должны быть крупные фигуры в истории, важные именно для данной нации (для нас – Александр Невский, для монголов – Чингис-хан). При этом историческая правда здесь не важна; любят потому, что любят. Заметим, что, как правило, люди, попавшие в народные «святцы», из них не исчезают, несмотря на смены режимов и идеологий. Выбор народа, а для нас он достаточно ясен, не всегда подвержен неким критериям, это просто очевидно. Ясно, что люди интеллигентные, например, Д.И. Менделеев, сюда не попадут никогда, несмотря на все его заслуги перед страной и наукой, хотя, может быть, он и попадет в народные «святцы» за изобретение водки. Даже А.С. Пушкин или Н.В. Гоголь (наши личные приоритеты в русской культуре) вряд ли для

массы населения стали национальной легендой, скорее, они свои все же для интеллектуальной элиты. А вот М.В. Ломоносов, ходивший в Академию наук с дубинкой и воевавший с немчурой в ней, – вполне подходит, А.В. Суворов – чудик и великий полководец – тоже. Естественно, что подобные личности и в художественной литературе подаются, как правило, идеализированно. Такая идеализация исторических деятелей, как и их деление на «хороших» и «плохих» (например, для советского времени – декабристы и А.А. Аракчеев) лишь частично была преодолена в позднейшей литературе; остатки подобного подхода имели место и в дальнейшем, не позволяя прекрасным писателям (например, весьма известному и популярному в свое время В.С. Пикулю, особенно в романах «Слово и дело», «Нечистая сила») объективно отображать историческую действительность.

Данное явление особенно важно осознать по двум причинам. Во-первых, значительное большинство пока еще читающей публики ранее получало и получает ныне информацию о прошлом России из исторических романов, обычно доверяя их авторам. Во-вторых, сегодняшнее время – время бурного развития так называемой «фолк-истории» (А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский и иже с ними), разного рода непроверенной информации, льющейся из разных источников, в том числе из Интернета, часто извращающей отечественную историю по тем или иным причинам, причем чаще просто по неграмотности. Для борьбы с этим необходима некая логика в книжном море, в том числе в историко-художественной литературе. Именно эти цели – показать, на какие произведения можно опираться и которым можно доверять с точки зрения приближения к исторической истине – ставит и автор данного курса. При этом мы отнюдь не первые в этом отношении: стоит отметить здесь книги С.М. Петрова, А.С. Пауткина и особенно В.В. Каргалова, не устаревшие до сих пор.

Принцип изложения материала носит хронологический характер. В первом выпуске нашего учебного пособия мы касаемся допетровского периода отечественного исторического развития (VI–XVII вв.) и характеристики художественно-исторических произведений об этом времени, то есть сначала здесь рассматриваются исторические произведения, посвященные Древней Руси домонгольского времени (VI–XIII вв.), затем книги, повествующие об эпохе складывания Московского государства (XIII – начала XVI вв.: от ордынского нашествия до окончания правления Василия III Ивановича), далее романы, рассматривающие основные черты и особенности развития России в XVI в. (преимущественно эпохи правления Ивана Грозного и Федора Иоанновича), и произведения об истории России в XVII в., начиная со Смуты и до эпохи Петра.

Для рассмотрения реальной картины той или иной эпохи и объективности ее показа, в силу огромного объема художественно-исторической литературы, берутся лишь повести или романы (а также произведения, близкие к ним по жанру), значимые как факты литературы и интересные с точки зрения принципиальной трактовки событий или важнейших личностей именно российской истории. Иногда используются и так называемые беллетризованные биографии,

в особенности тех деятелей, в отношении которых почти не сохранилось серьезных литературных источников, а также наиболее значимые драматические произведения на темы из русской истории, такие как трилогия А.К. Толстого или пушкинский «Борис Годунов». В ряде случаев использованы и поэтические произведения о прошлом (сатирическое стихотворение «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого, драма «Пугачев» С.А. Есенина, поэма «Мастера» А.А. Вознесенского). Разница в датировке произведений авторов в самом тексте работы и в части ссылок объясняется тем, что отнюдь не всегда нами использовались первые издания этих произведений.

Курс лекций носит авторский характер. Наряду с использованием современной научной литературы и ее идей, мы в ряде случаев высказываем и свой взгляд на те или иные процессы или исторические личности русской истории, которые затрагиваются в художественных произведениях отечественной литературы, обращая особое внимание на достоверность их описания, и даем им свои оценки.

Научная литература

1. Володихин, Д. История России в мелкий горошек / Д. Володихин, О. Елисеева, Д. Олейников. – М., 1998.
2. Данилевский, И.Н. Пустые множества «новой хронологии» // Его же. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. – М., 1998. – С. 289-313.
3. Долгих, А.Н. К вопросу о национальных легендах / А.Н. Долгих // Барташевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. – Липецк, 2000. – С. 72-76.
4. Долгих, А.Н. Материалы для самостоятельной работы по курсу «Русская история в художественных образах» для студентов педагогического университета: Учебное пособие / А.Н. Долгих. – Липецк, 2008.
5. Дубин, Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа / Б.В. Дубин. – М., 2003.
6. Каргалов, В.В. Древняя Русь в советской художественной литературе / В.В. Каргалов. – М., 1968.
7. Каргалов, В.В. Московская Русь в советской художественной литературе / В.В. Каргалов. – М., 1971.
8. Копылов, А.Н. Истоки и специфика жанра исторического романа / А.Н. Копылов // Современные гуманитарные исследования. – 2011. – № 2. – С. 71-76.
9. Пауткин, А.И. Советский исторический роман / А.И. Пауткин. – М., 1970.
10. Петров, С.М. Русский исторический роман XIX в. / С.М. Петров. – М., 1984.
11. Петров, С.М. Русский советский исторический роман / С.М. Петров. – М., 1980.

Лекция 2

Концепции отечественной истории в российской художественной литературе

Из моря исторической художественной литературы, исключая научные исследования и научную (до известной степени) публицистику, можно выделить произведения, которые в той или иной степени давали бы общую характеристику отечественной истории. Даже в мировой литературе немного существует подобных книг. Все они, по необходимости, носят в той или иной степени

аллегорический или сатирический характер, например, «Путешествия Гулливера» Д. Свифта, до определенной степени «Хоббит» Д.Р. Толкиена. По крайней мере, более или менее близок данному жанру классический в этом отношении роман А. Франса «Остров пингвинов». Подобное отношение к своей истории характерно для больших наций, которые могут, перефразируя строки известной песни, первыми «посмеяться над собой». Россия не составила здесь исключения. Волею судеб таковыми оказались сатирические и даже фантастические произведения (например, жанра социальной фантастики, начиная с «Путешествия в землю Офирскую» М.М. Щербатова, которая не сколько рассказывает о прошлом, столько рисует идеальное настоящее и особенно будущее) применительно к разным эпохам ее истории.

В русской литературе произведением подобного рода можно считать, прежде всего, известную «Историю села Горюхина» А.С. Пушкина, написанную в 1830 г., где в качестве автора был выведен Белкин – родовитый, но небогатый помещик, воспитанный на медные деньги и удержавший в памяти только то, что к 10-летнему возрасту узнал у деревенского дьячка. Главным источником ему, как автору, послужили сделанные при его предках записи, содержавшие повседневные замечания о погоде, хозяйственные счета, а также краткие исторические известия относительно села Горюхина, в том числе и предания анекдотического характера о беременности «полуумной пастушки» от болотного беса. В свое время А. Григорьев намекал на то, что это произведение было своеобразной пародией на Карамзина, но современные авторы (например, историк А.Л. Шапиро) опровергают это утверждение, полагая, что это была сатира на «мелкотемье» или «ползучий эмпиризм» (такое исследование частных фактов, которое не ведет к научным обобщениям), на бессодержательные штудии помещиков, «охотников до историй». Но, кроме этого, в нем можно видеть и социальные моменты, связанные с «попечением помещика» и последующим обнищанием села.

Выдающимся подобным произведением в прозе такого рода была «История одного города» Н.Е. Салтыкова-Щедрина – «подлинная» летопись г. Глухова, охватывающая период времени с 1731 по 1825 г., которую «преемственно слагали» 4 местных архивариуса. В главе «От издателя» автор особенно настаивал на подлинности «Летописца» и предлагал читателю «уловить физиономию города и уследить, как в его истории отражались разнообразные перемены, одновременно происходившие в высших сферах». «Летописец» открывался «Обращением к читателю от последнего архивариуса-летописца», который видел свою задачу в том, чтобы «быть изобразителем» «трогательного соответствия» – власти, «в меру дерзающей», и народа, «в меру благодарящего». История, таким образом, представляла собой историю правления различных градоначальников.

Сначала приводилась, так сказать, глава доисторическая «О корени происхождения глуховцев», где повествовалось о том, как древний народ головопятапов победил соседние племена моржеедов, лукоедов, кособрюхих и т. д. Но,

не зная, что сделать, чтобы был порядок, головотяпы пошли искать себе князя. Не к одному князю обращались они, но даже самые глупые князья не хотели «володеть глупыми» и, «поучив жезлом», отпускали их «с честью». Тогда призывали головотяпы «вора-новотора», который помог им найти князя. Князь «володеть» ими согласился, но жить к ним не пошел, послав вместо себя того же «вора». Самих же головотяпов назвал князь «глуповцами», отсюда и пошло название города. Глуповцы были народом покорным, но «новотору» нужны были бунты, чтобы их усмирять. Но вскоре он до того проворовался, что князь «послал неверному рабу петлю». Но «новотор» «и тут увернулся: ... не выждав петли, зарезался огурцом». Присылал князь и еще правителей – одоевца, орловца, калязинца, – но все они оказались сущие воры. Тогда князь «прибых собственною персоною в Глупов и возопи: «Запорю!». С этого «начались исторические времена». Далее следовала «Опись градоначальникам в разное время в город Глупов от высшего начальства поставленным», после чего подробно приводились биографии «замечательнейших» из них. В 1762 г. в Глупов прибыл Д.В. Брудастый. Он сразу поразил глуповцев угрюмостью и немногословием. Его единственными словами были «Не потерплю!» и «Разорю!». Город терялся в догадках, пока однажды письмоводитель, войдя с докладом, не увидел странное зрелище: тело градоначальника, как обычно, сидело за столом, голова же лежала на столе совершенно пустая. Глупов был потрясен. Но тут вспомнили про часовых и органных дел мастера Байбакова, секретно посещавшего градоначальника, и, призвав его, все выяснили. В голове градоначальника, в одном углу, помещался органчик, могущий исполнять две музыкальные пьесы: «Разорю!» и «Не потерплю!». Но в дороге голова отсырела и нуждалась в починке. Сам Байбаков справиться не смог и обратился за помощью в Санкт-Петербург, откуда обещали выслать новую голову, но голова почему-то задерживалась.

Настало безначалие, окончившееся появлением сразу двух одинаковых градоначальников. Из губернии тут же прибыл рассыльный и забрал обоих. А глуповцы, оставшись без руководства, немедленно впали в анархию, которая продолжалась всю следующую неделю, в течение которой в городе сменилось шесть градоначальниц. Обыватели метались от И.Л. Палеологовой к К. де Бурбон, а от нее к А.К. Штокфиш. Притязания первой основывались на градоначальнической деятельности ее мужа, второй – отца, а третья и сама была градоначальнической «помпадуршей». Притязания Н. Лядоховской, а затем Дуньки-толстопятой и Матренки-ноздри были еще менее обоснованы. В перерывах между военными действиями глуповцы сбрасывали с колокольной одних граждан и топили других. Но и они устали от анархии. Наконец, в город прибыл новый градоначальник – С.К. Двоекуров. Его деятельность в Глупове была благотворна. «Он ввел медоварение и пивоварение и сделал обязательным употребление горчицы и лаврового листа», а также хотел учредить в Глупове академию. При следующем правителе, П.П. Фердыщенко, город процветал шесть лет. Но на седьмой год «Фердыщенку смутил бес». Градоправитель воспы-

лал любовью к ямщицкой жене Аленке. Но Аленка ответила ему отказом. Тогда при помощи ряда последовательных мер мужа Аленки, Митьку, заклеямили и отправили в Сибирь; тут Аленка образумилась. На Глупов же через градоначальниковы грехи обрушилась засуха, а за ней пришел и голод. Люди начали умирать. Пришел тогда конец и глуповскому терпению. Сначала послали к Фердыщенке ходока, но ходок не вернулся. Потом отправили прошение, но и это не помогло. Тогда добрались-таки до Аленки, сбросили и ее с колокольни. Но и Фердыщенко не дремал, а писал рапорты начальству. Хлеба ему не прислали, но команда солдат прибыла. Через следующее увлечение Фердыщенки, стрельчиху Домашку, в город пришли пожары. Горела Пушкарская слобода, за ней слободы Болотная и Негодница. Фердыщенко опять стусеивался, вернул Домашку «опчеству» и вызвал команду. Закончилось правление Фердыщенки путешествием. Градоправитель отправился на городской выгон. В разных местах его приветствовали горожане и ждал обед. На третий день путешествия Фердыщенко умер от объедания.

Преемник Фердыщенки, В.С. Бородавкин, к должности приступил решительно. Изучив историю Глупова, он нашел только один образец для подражания – Двоекурова. Но его достижения были уже забыты, и глуповцы даже перестали сеять горчицу. Бородавкин повелел исправить эту ошибку, а в наказание прибавил прованское масло. Но глуповцы не поддавались. Тогда Бородавкин отправился в военный поход на Стрелецкую слободу. Не все в девятидневном походе было удачно. В темноте свои бились со своими. Многих настоящих солдат уволили и заменили оловянными солдатыками. Но Бородавкин выстоял. Дойдя до слободы и никого не застав, он стал растаскивать дома на бревна. И тогда слобода, а за ней и весь город сдались. Впоследствии было еще несколько войн за просвещение. В целом же, правление привело к оскудению города, окончательно завершившемуся при следующем правителе, Негодяеве. В таком состоянии Глупов и застал черкешенин Микеладзе. В это правление не проводилось никаких мероприятий. Он отстранился от административных мер и занимался только женским полом, до которого был большой охотник. Город отдыхал. «Видимых фактов было мало, но следствия бесчисленны».

Сменил черкешенина Ф.И. Беневоленский, друг и товарищ М.М. Сперанского по семинарии. Его отличала страсть к законодательству. Но поскольку градоначальник не имел права издавать свои законы, Беневоленский издавал законы тайно, в доме купчихи Распоповой, и ночью разбрасывал их по городу. Однако вскоре был уволен за сношения с Наполеоном. Следующим был подполковник Прыщ. Делами он совсем не занимался, но город расцвел. Урожаи были огромны. Глуповцы насторожились. И тайна Прыща была раскрыта предводителем дворянства. Большой любитель фарша, предводитель почуял, что от головы градоначальника пахнет трюфелями, и, не выдержав, напал и съел фаршированную голову. После того в город прибыл статский советник Иванов, но «оказался столь малого роста, что не мог вмещать ничего пространного», и умер. Его преемник, эмигрант виконт де Шарьо, постоянно веселился и был

по распоряжению начальства выслан за границу. По рассмотрении оказался девицею.

Наконец, в Глупов явился статский советник Э.А. Грустилов. К этому времени глуповцы забыли истинного Бога и прилепились к идолам. При нем же город окончательно погряз в разврате и лени. Понадеявшись на свое счастье, перестали сеять, и в город пришел голод. Грустилов же был занят ежедневными балами. Но все вдруг переменялось, когда ему явилась она. Жена аптекаря Пфейфера указала Грустилову путь добра. Юродивые и убогие, переживавшие тяжелые дни во время поклонения идолам, стали главными людьми в городе. Глуповцы покались, но поля так и стояли пустые. Глуповский «бомонд» собирался по ночам для чтения и «восхищения», о чем вскоре узнало начальство, и Грустилова сместили. Последний глуповский градоначальник – Угрюм-Бурчеев – был идиот. Он поставил цель – превратить Глупов в «вечно-достоинная памяти великого князя Святослава Игоревича город Непреклонск» с прямыми одинаковыми улицами, «ротами», одинаковыми домами для одинаковых семей и т. д. Угрюм-Бурчеев в деталях продумал план и приступил к исполнению. Город был разрушен до основания, и можно было приступать к строительству, но мешала река. Она не укладывалась в планы Угрюм-Бурчеева. Неутомимый градоначальник повел на нее наступление. В дело был пущен весь мусор, все, что осталось от города, но река размывала все плотины. И тогда Угрюм-Бурчеев развернулся и зашагал от реки, уводя с собой глуповцев. Для города была выбрана совершенно ровная низина, и строительство началось. Но что-то изменилось. Однако тетрадки с подробностями этой истории утратились, и издатель приводит только развязку: «...земля затряслась, солнце померкло... Оно пришло». Не объясняя, что именно, автор лишь сообщает, что «прохвост моментально исчез, словно растворился в воздухе. История прекратила течение свое».

Как писали исследователи П. Вайль и А. Генис, Салтыков-Щедрин открыл бесконечные возможности игры с официозом. Вводя скрытый абсурдный поворот в лояльную формулу, он взрывал ее изнутри. Его верноподданические гиперболы излучали мощную смеховую энергию за счет внутреннего контраста («Знали они, что бунтуют, но не стоять на коленях не могли»). Щедрин, как бы в пику писаревскому определению его творчества («цветы невинного юмора»), стремился обрести прочный идеологический фундамент. Поэтому «История одного города» – сатира, густо замешанная на философии. Обычно авторы такого рода произведений исследуют какой-нибудь грандиозный, но дурацкий проект. У Щедрина такой проект – история вообще. При этом древнее прошлое глуповцев представляет собой «кромешный», вывернутый наизнанку, мир, существующий согласно абсурдным законам. Люди здесь стали жертвой неверного толкования мира. Они перепутали переносное значение с прямым, приняли шутку всерьез. От этого и распалось единство вселенной – нижний, «кромешный» мир потерял свою верхнюю половину. И вот, чтобы вернуть жизни смысл, щедринские «куралесы и гущееды» вносили в социальный хаос идею

порядка – устраивали цивилизацию. Попутно автор высказался и о легенде о призвании варягов, трактуя ее исключительно не в пользу народа, надевшего себе на шею ярмо власти.

Однако ничего хорошего и из этого не вышло. Если доисторические глуповцы жили в царстве перевернутой логики, то цивилизация принесла им логику извращенную. С другой стороны, последний комментарий, указывающий на соответствия между Глуповым и Российской империей, по словам Вайля и Гениса, лишь затемняли главную мысль писателя. Щедрин высмеивал историю вообще, а не российскую историю только. «Все градоначальники плохи, так как плох сам институт общественного устройства. Любое управление есть безнадежная война между властью и естеством. Цивилизация же, вместе с ее лицемерным отпрыском просвещением – всего лишь бюрократическая форма насилия над природой». О непрочности этих начальничьих игрушек Щедрин не устал напоминать: «Впоследствии оказалось, что цивилизацию эту, приняв в нетрезвом виде за бунт, уничтожил бывший градоначальник Урус-Кугуш-Кильдибаев» (Подобную же идею излагал тот же автор в известной сказке «Орел-меценат»).

Разнообразие глуповских градоначальников призвано демонстрировать беспомощность любой власти, ее ненужность. Отрицая историю, Щедрин, казалось бы, отдыхал душой на картинах естественной народной жизни, не стесненной градоначальническими потугами ее улучшить. Однако освобожденные от узды истории глуповцы возвращаются в кромешный мир. Прыща, например, обладателя фаршированной головы, просто съели. Он пал жертвой «естества», в данном случае – аппетита местного предводителя дворянства, в желудке которого, «как в могиле, исчезали всякие куски». Мотив еды – от пирогов до каннибализма – у Щедрина становится знаком естественной жизни, противостоящей химерам власти, которая велит обывателям разводить в палисадниках малосъедобные «барскую спесь, царские кудри, бураки и татарское мыло». Беда в том, что сытые глуповцы не лучше голодных. Отравленные избытком, они возгордились, впали в язычество и «с какой-то яростью покатались по покато-сти, которая очутилась под их ногами». Забытые начальством глуповцы отнюдь не являют собой картину авторского идеала. Разоблачая историю вообще и российскую в частности, Щедрин не верит и в справедливую природу, производящую благородных дикарей, не решается сделать выбор между кромешным и цивилизованным миром – «оба хуже». В сущности, автор приходит к социальному дарвинизму: несправедливость мира – следствие элементарной борьбы за существование, которую, конечно же, не в силах отменить цивилизация. Наиболее ярко эта идея просматривается в сказке «Карась-идеалист». Об этом решительно заявляет умный ерш-циник прекраснодушному карасю-идеалисту: «Разве потому едят, что казнить хотят? Едят потому, что есть хочется».

Столкнувшись с естественным круговоротом «хищник-жертва», автор оказался в тупике, в который заводит сатирика-моралиста несовершенство человеческой природы. Что делать, если мир изначально поделен на волков и

зайцев, или генералов и мужиков? Первые обречены на жестокость («из всех хищников, водящихся в умеренном и северном климате, волк менее всех доступен великодушью»). Вторые – на нищету и смирение. Зоологические параллели настолько последовательны, что «человеческие» герои неотличимы от животных. Социальная лестница повторяет эволюционную. Так, хищники у него, в соответствии с Брэмом, индивидуальны, штучны, а жертвы – все на одно лицо. Наверное, поэтому Щедрин, гневно осуждая притеснения мужиков, не предлагал их поменять местами с генералами, понимая, что законы природы от этого не изменятся. В центре всей его литературной и издательской деятельности стоял «проклятый» вопрос русской общественной мысли: «Который человек в трудах находится, у того по праздникам пустые щи на столе; а который при полезном досуге состоит – у того и в будни щи с убоиной. С чего бы это?» Ответа не было. Применительно к характеристике градоначальников «Истории одного города» следует заметить, что она носит собирательный характер, хотя отдельные фигуры напоминают екатерининских фаворитов, Александра I, Аракчеева, Павла I, но в этом типизированном образе гораздо важнее то, что все они существуют сами по себе, а не есть «слуги народа», как это водится до сих пор – именно поэтому данное произведение актуально для всех эпох нашей истории, как, впрочем, его персонажи из сказки «Медведь на воеводстве», своеобразный парафраз «Истории одного города». Не забудем и высказывание Ф. Энгельса насчет того, что каждый народ заслуживает того правительства, которое у него имеется; оно же в определенном смысле отражает и особенности страны и народа, а по словам пословицы, приводимой у Н.В. Гоголя, «на зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Среди стихотворных произведений на эту тему назовем пародийную «Историю государства Российской от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого (1868 г.). Известны и его «восемь строк о свойствах страсти» (по выражению Б.Л. Пастернака), характеризующие русский национальный характер:

«Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!»

Стихотворение посвящено анализу особенностей русского национального характера, для которого свойствен максимализм, стремление к полноте чувств и самоотдаче. Русский человек не может делать что-то наполовину, быть рационалистом и прагматиком во всех сферах жизни, что находит свое определенное воплощение и в истории России. Что же касается этой своеобразной пародии А.К. Толстого на карамзинско-иловайское изложение отечественной истории, то она, скорее, напоминает известные оценки юмориста М.Н. Задорнова

о «сбившейся» программе русского человека, правда, акцент здесь делается на отсутствии «порядка» на Руси еще со времен Рюрика и Гостомысла, с небольшими отступлениями и изменениями в лучшую сторону при Ярославе Мудром и особенно при Петре I. Данное произведение имело продолжение в последующей русской сатирической литературе, причем не только авторской (Н.Я. Агнивцев (1888–1932)), но и народной («...На то она история, та самая, которая ни слова, ни полслова не соврет»). Более или менее широким охватом эпох характеризуется стихотворения А.С. Пушкина «Моя родословная», П.А. Вяземского «Русский бог», Н.А. Некрасова «Забытая деревня», А.А. Блока «Скифы».

Произведением особой исторической публицистики здесь является «Русская история, обработанная «Сатириконом»», вышедшая в 1911 г. (вместе с «Всеобщей историей» того же рода, принадлежащей перу его сотрудников). Автором ее являлся О.Л. д' Ор (И.Л. Оршер) (1878–1942) – журналист и писатель, один из сотрудников этого знаменитого в дореволюционной России журнала. Несмотря на то, что данное произведение написано было «на злобу дня» и напитано ассоциациями русской жизни начала XX в., в нем содержится много существенных позиций чисто исторического плана, прежде всего, яркая сатирическая критика идей официальных учебников отечественной истории, принадлежавших перу Д.И. Иловайского. Очень трудно, да, наверное, и не нужно всерьез давать научную оценку положений данной книги (тем более, что в ней содержатся очевидные неточности, очевидно, нарочитого характера), написанной в либеральном ироническом духе («...Петр застал Русь бородатую и оставил ее взлохмаченною»). Да и это было бы неверно.

Но одно стоит все же заметить: многое из того, что тогда утверждалось, и сегодня можно применить в отношении ряда ультрапатриотических «исследований», исходящих из известного тезиса В. Чивилихина о том, что «зато у нас самые широкие в мире погоны». Многие, кстати, можно использовать и в отношении критики увлекающихся своей сферой интересов историков и публицистов и извращающих ту же историю по-иному в угоду своей позиции и представлениям о ней. В ряде случаев в данном произведении, что вполне очевидно, намечены и «узкие» места в представлениях массового сознания относительно ряда явлений нашей истории (взаимоотношения восточных славян с соседями; призвание варягов; смерть Олега; «добродетели» Владимира Мономаха; демократия в Новгороде; фигура Евпатия Коловрата; события на Угре; «гуманизм» и реформы И. Грозного; призывы К. Минина и другие «темные» места Смуты; причины войны со Швецией при Петре I; Уложенная комиссия при Екатерине II). Применительно к более позднему времени укажем на книгу Ю.Б. Борева «Краткий курс истории XX в. в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д.», представляющую из себя свод разного рода баек и историй, посвященных эпохе конца XIX – середины XX вв., фактически – политических анекдотов, за распространение которых в свое время можно было получить серьезные тюремные сроки (или даже «10 лет

без права переписки»), книгу, уделяющую особое внимание «начальствующим лицам» (В.И. Ленину, И.В. Сталину, Н.С. Хрущеву, Л.И. Брежневу и др.).

Заметим, что спецификой исторических романов (главного типа историко-художественных произведений) о прошлом России является сам характер идеологии их авторов. Волею судеб историей России в такой интерпретации чаще занимаются (и мы это констатируем), в основном, люди, скажем так, славянофильствующие или принадлежащие к славянофильской (и антизападнической в принципе) традиции. В этой связи приведем большую цитату об историческом пути Руси-России из романа выдающегося писателя Д.М. Балашова (1927–2000) из последнего незаконченного им романа «Юрий» (2005, вопросительные знаки в тексте – наши), ставшего фактически его политическим завещанием: «Проблема западничества на Руси не вчера родилась и не в 1917 году, когда она, как кажется, окончательно победила (?), и даже не с Петра Великого, а ежели хотите, еще с епископа Адальберта, возжелавшего крестить Русь, обратив ее в католичество, еще с тех киевских князей, которые полагались больше на венгерскую и польскую помощь, чем на свой собственный народ – и ничем иным, кроме как западничеством, невозможно объяснить польскую интервенцию эпохи Смутного времени (?), накануне которой наше высшее сословие также ополячилось (в языке, одеждах, нравах) (?), как офранцузилась дворянская интеллигенция XIX века (?), заплатив за свой отрыв от народа цену, несоизмеримую со стоимостью пудренных париков. А союз Даниила Романыча Галицкого с Западом и папой, не принесший ему ничего, кроме разочарования, а Галицко-Волынскому княжеству, сильнейшему на Руси! (?) распад и гибель всего через столетие! А обращение Михайлы Черниговского к Лионскому собору с просьбой о крестовом походе против татар? (За что и был убит в стане Батыя) (?)... За разгром Наполеона и создание Священного Союза (?) нам отплатили Крымской войною. За спасение Европы от коричневой чумы – холодной войной (?). Мудрее было бы разбить Гитлера, не влезать в дальнейшие дела Западной Европы (?) и не мечтать, разумеется, о всемирной революции, совершаемой русскими руками и за русский счет!... Судьба Руси Московской определилась решением Александра Невского, который, побывавши с отцом в Каракоруме, свершив тысячеверстный... путь сквозь Сибирь и Монголию, понял то, что так и не понял Даниил Галицкий, чего не понимали все, взоры коих были обращены на Запад. Он понял величие пространств, безмерность Азии и, заключивши союз (?) с Батыем (а потом с его сыном Сартаком, а потом с Берке, от которого сумел мудро получить право самим русским князьям собирать дань и ордынский выход на своих землях) (?), проложил дорогу тому, что Русь, переболев недугом уделов, пошла на Восток, приобретя Сибирь... И вся последующая история Московской Руси пошла по пути не постоянных споров с Ордой, как пытаются доказать ослепшие наши современники, а по пути поисков дружеских и взаимовыгодных связей с татарским миром (??)». Цитату можно продолжать и далее, вся она выдержана в том же духе. Очевидна ее справедливость в отношении враждебности Европы и Запада вообще по отношению к

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru